

Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926-1927 гг.: история организации¹.

Е.М. Главацкая

В печати: Уральский исторический вестник 2006 (14)

Приполярная перепись 1926-1927 гг. явилась небывалым по масштабам и поставленным задачам мероприятием Советского государства. Это была даже не перепись в традиционном понимании, а настоящая комплексная экспедиция на Север, сотрудники которой должны были подробно описать каждое «туземное» хозяйство, его состав, экономику и быт, детали материальной культуры и духовной жизни северян. Ничего подобного никогда не предпринималось ни одной из стран мира. Ценность исследования заключалась и в том, что оно проводилось в период, когда социалистические преобразования еще не коснулись народов Севера и они во многом сохраняли традиционный образ жизни. Между тем, большая часть уникальных материалов Приполярной переписи до сих пор не введена в научный оборот, судьбы многих участников, совершивших научный подвиг не известны.² Совсем недавно старанием историков Екатеринбурга был обнаружен значительный блок первичных материалов Уральской экспедиции проводившей перепись на территории Северо-Западной Сибири. Ей посвящена эта статья.

Краткая предыстория

В 1925 г. молодое Советское государство готовилось к первой Всесоюзной переписи. Большим опытом в этом деле никто не располагал. Впервые все население Российской империи было переписано в 1897 г. – предприятие

огромного масштаба, однако, если учесть, что в Швеции текущий учет населения был начат еще во второй половине XVII в., то событие это запоздало почти на 2 века. Заслуга проведения переписи принадлежала Министерству внутренних дел, что позднее дало повод для жесткой критики, поскольку осуществлялась она не специалистами статистиками и этнографами, а администраторами. Около 150 000 регистраторов переписали население (по состоянию на 9 февраля (28 января) 1897 г.), которое в то время насчитывало 129 миллионов человек.³ Помимо вопросов о гражданском статусе и доходах перепись содержала графы, касающиеся грамотности, родного языка, вероисповедания и сословной принадлежности граждан. При таком подходе представить точную картину национального и этнического состава страны было достаточно сложно, поскольку графы-вопроса о национальной принадлежности в переписи просто не было. В условиях кросскультурного и межэтнического взаимодействия и политики правительства, направленной на усиление этно-религиозной гомогенизации общества, религия и язык не всегда давали возможность судить о национальности. Между тем национальный вопрос в России на рубеже веков, а после революции 1905 г. – особенно, приобрел острое политическое звучание. При этом ясного представления о национальном составе империи ни у кого не было.

Обсуждение вопросов, связанных с проведением следующей переписи, началось уже в 1910 г. Статистикам и этнографам было очевидно, что в условиях Российской империи язык и национальность не обязательно совпадали. Поэтому при подготовке второй переписи, запланированной сначала на 1913, а потом 1915 гг., правительство вынуждено было считаться с требованиями регистрации не только языка, но и национальности граждан. В результате в работу по организации переписи включились специалисты – провинциальные статистики и этнографы. Было решено уделить большее внимание вопросам образования, производственной занятости и этнической принадлежности, так что общее

количество вопросов уже превысило бы 20. Вместо графы «родной язык» появились три, различающие родной язык, язык общения и, наконец, русский, а так же уровень грамотности (чтение и письмо) русской или иной и образование. Занятия, профессия, участие в торговле, и другие виды деятельности разделялись на основные или вспомогательные для определения источников доходов. Таким образом, многие недостатки, допущенные во время переписи 1897 г., были учтены. Однако вступление России в Первую мировую войну нарушили планы проведения переписи и страна вынуждена была прожить еще долгие 12 лет не имея четкого представления о своем национальном составе. В 1920 г., правда, была предпринята отчаянная попытка провести перепись, однако она началась в условиях продолжавшейся гражданской войны и охватила лишь некоторые территории.

Между тем задачи дальнейшего экономического развития и его планирования требовали конкретных данных о народонаселении и хозяйственной деятельности. Страна была поделена на участки и Север, благодаря специфике территории и населения, был выделен в отдельный переписной район и только здесь, на Севере, помимо демографической переписи было решено осуществить еще и обследование всех хозяйств и поселений, собрать сведения об их бюджете, торговле, промыслах, санитарном состоянии. Проведение переписи на территории Уральской области, в состав которой входили Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, должна была осуществлять Уральская экспедиция. Подготовкой занимались основательно. Прежде всего, были сделаны запросы в районные исполкомы о количестве населенных пунктов и расстояниях между ними. Позднее, правда, выяснилось, что сведения эти не соответствовали действительности. Особенно значительные были расхождения по Сургутскому району: вместо указанных РИКом 135 селений, переписчики обнаружили 228, а маршрут движения экспедиции, определенный в 7420 верст, в действительности

растянулся на 11371.⁴ Подобные ошибки встречались и в других районах, но Сургутский в этом смысле обошел всех. Безусловно, найти дополнительные средства в процессе проведения переписи не представлялось возможным, и проблема прохождения «лишних» верст, как, впрочем, и работа по регистрации неучтенных населенных пунктов легла на плечи рядовых регистраторов. О том, что это были за люди – позднее.

Сотрудники комиссии по подготовке переписи основательно изучили опыт Первой Всероссийской переписи 1897 г. Как это не парадоксально, но материалы по Тобольской губернии оказались в распоряжении статистиков Хабаровска, о чем те сразу сообщили коллегам из Уральского областного статистического бюро. Материалы были вскоре присланы и тщательно изучены.⁵ Оказалось, что для подготовки переписи в 1897 г. в стране были образованы губернские и окружные переписные комиссии под председательством губернаторов и крестьянских начальников соответственно. Каждый город и округа губернии: Тобольский, Березовский и Сургутский делилась на переписные участки, охватывавшие население от 7 до 15 тысяч человек, куда назначались заведующие для руководства работами. Переписные участки, в свою очередь, делились на счетные участки, охватывавшие до 400 хозяйств с населением до 2000 человек. Тогда регистрация «инородцев» – аборигенного населения Тобольской губернии, проводилась на основании имевшихся в «инородных управах» списков, которые уточнялись путем опроса самих жителей, после чего полученные данные сверялись с метрическими выписками церковей и исповедными записями. Из отдаленных районов, куда переписчикам попасть было затруднительно, в города вызывались родовые старшины. Кочевое население переписывали во время ярмарки и сдачи ясачной повинности, с декабря до середины февраля.⁶

Подготовка переписи

Организаторами переписи 1926 г. была избрана иная тактика. Прежде всего,

для проведения переписи были созданы экспедиции, которые должны были, следуя по предварительно разработанному маршруту, лично переписать все население Тобольской губернии. Регистраторы должны были заполнить «Похозяйственную карточку» – бланк, состоявший из 405 граф-вопросов (это вместо планировавшихся 20) и «Поселенный бланк» – формуляр на 32 страницах, который включал сведения о местах и времени кочевания, хозяйственных занятиях, объектах и способах промыслов, традиционной медицине и религиозных традициях. Помимо заполнения основных форм переписи было решено собрать еще и сведения о бюджете кочевых хозяйств. Для этого была предложена шкала деления хозяйств оленеводов-кочевников на 5 групп в зависимости от их благосостояния. Оленеводы, имевшие более 1500 оленей, считались «богачами», хозяева стада свыше 500 голов – «зажиточными»; владельцы 100- 500 оленей – «малооленными» – те, кто имел менее 100 оленей – «бедняками». Наконец в отдельную группу зачислялись «безоленные» – те, кто лишился стада вследствие стихийных бедствий и работал в целях восстановления своего оленеводческого хозяйства. При этом бюджетное обследование должно было проводиться каждой экспедицией не сплошняком, а выборочно из расчета 5 хозяйств богачей, 10 хозяйств зажиточных и по 15-20 малооленных, бедняков и безоленных.⁷ В итоге по Тобольскому округу было составлено 28 бюджетных описаний хозяйств жителей Обдорского, Березовского, Сургутского и Кондинского районов, в том числе 10 зажиточных, 11 середняцких и 7 бедняцких. Регистрировалось все имущество, от оленей и промыслового инвентаря – до одежды и кухонной посуды. Учету подлежали продукты промысла, рабочее время, затраченное на разные виды работ мужчинами и женщинами, обстановка в доме, пища и способы ее употребления – в сыром или вареном виде.⁸

Безусловно, Приполярная перепись на Севере имела много особенностей,

которые не учитывались в бланках, подготовленных для Всесоюзной переписи. В «Похозяйственную карточку» для народов Севера были введены специальные графы для учета оседлого и кочевого населения и мест сезонных стойбищ, а сотрудники Уральской экспедиции внесли еще категорию «полуоседлых», исходя из специфики хозяйства хантов и манси. К традиционной графе «ФИО» была добавлена «Прозвище», поскольку многие северяне продолжали сохранять свои традиционные имена. Графа «Название профессий» была заменена на «Название занятий». В разделе «скотоводство» верблюды, ослы, мулы и рабочие коровы были заменены оленями и ездовыми собаками и т.д.

Естественно стремление чужих людей выведать и зафиксировать на бумаге все детали хозяйства оленеводов могли вызвать негативное отношение к переписи с их стороны. Поэтому, обсуждая вопросы организации переписи, совещание при Тобольском окружном статистическом бюро постановило «признать необходимым ознакомление населения – каменных и низовых самоедов как с характером переписи, так и с ее задачами, а также и способом ведения. Учитывая крайнюю подозрительность и недоверие в этой группе населения ко всему новому и не понятному для них признано необходимым к переписи приступать с большей осторожностью, использовав для подготовки кочевников и инородцев дальнего Севера, по возможности, всех, кто пользовался ранее и пользуется сейчас доверием инородцев».⁹

Для осуществления переписи населения Полярного Урала, полуостровов Ямал, Гыданский, Ныдский и территории к северу по р. Надым, Пур и Таз. было предложено создать пять северных экспедиций: две Ямальские (позднее все же объединенные вероятно из соображений экономии), Обдорскую, Сургутскую и Пуро-Тазовско-Гыданскую и направить их в марте на оленях в районы летних кочевий. Однако из-за дороговизны экспедиций идею их организации Уральское статистическое бюро сразу забраковало. Им было предложено переписывать

кочевников во время их перекочевки на зимние стойбища, в конце лета 1926 г. «Для уловления переселяющихся туземцев» должно было быть организовано 10 переписных отрядов в районе Обдорска и всех факторий на пути следования кочевников. Зная, что на ярмарку или фактории прибывали только главы семей и родов, в то время как остальные вместе с оленями располагались на небольшом расстоянии, организаторы планировали направлять к таким стойбищам небольшие экспедиции, заручившись поддержкой старшин, начальников родов и старост. Весь персонал переписи кочевого населения состоял из помощника начальника с резиденцией в Обдорске, 2 районных руководителей, 10 старших и 10 младших регистраторов и 20 переводчиков. Однако представители Тобольского окружного статистического бюро не могли согласиться с отказом от проведения крупномасштабных экспедиций. Они отчаянно искали способы сокращения расходов, например, за счет упрощения переписных бланков. Участники совещания в Тобольске, в частности, А.А. Дунин-Горкавич и В.М. Новицкий считали, что результаты переписи на факториях «не будут иметь никакой ценности, будут не полны, не систематичны и будут носить характер случайных записей». Единственный путь избежать этого, по мнению тобольских специалистов состоял в организации экспедиций, на чем они отчаянно настаивали.¹⁰

В одном из документов, подготовленных организаторами переписи, обсуждались детали проведения летнего статистико-экономического обследования Березовского и Сургутского районов и рек Конда и Демьянка Тобольского. В частности предлагалось формировать экспедиции из двух регистраторов и переводчика. Автор записки мотивировал это тем, что: «работа в одиночку в течение 2-3 месяцев среди инородческого населения тяжела и неудобна, возможны также случаи заболевания». Регистраторы, по мнению автора проекта, должны были передвигаться на собственной лодке, которая

одновременно была бы и их «постоянным местопребыванием» в виду того, что «инородцы не всегда имеют удобные для переезда лодки» и «невыносимой в большинстве обстановки инородческих жилищ для культурного человека».¹¹ Очевидно это было мнение человека, знакомого с особенностями регистрационной работы среди аборигенного населения Тобольского Севера.

Первый опыт регистрации

В июле 1926 г. заведующий Тюменским музеем Леонид Рудольфович Шульц, назначенный ответственным руководителем переписи, выехал в Обдорск (современный Салехард) для проведения пробной регистрации в юртах Князевских. Сразу же выявились проблемы в заполнении подготовленных регистрационных бланков. По словам Л.Р. Шульца, малая величина граф «Похозяйственной карточки» «не была приспособлена для писания мало привычных к мелкому письму регистраторов», недостаточно места было выделено для описания кочевков. Позднее, вернувшись в Свердловск, Л.Р. Шульц настоял на переработке как «Похозяйственной карточки», так и «Поселенного бланка».

Во время проведения пробной переписи было принято решение описать также фактории и рыболовные угодья населения, для чего были разработаны соответствующие бланки. Воистину, сотрудники Приполярной переписи не боялись переработать!

Несмотря на то, что организаторы подготовки переписи предвидели негативное отношение населения к переписи и предлагали принять меры по его смягчению, это предложение либо не было принято всерьез, либо проведенные меры оказались, увы, недостаточными. Во всяком случае, регистраторы столкнулись с этой проблемой сразу, как только началась регистрация. В официально распространявшуюся версию о том, что государство организует все это для того, чтобы улучшить снабжение в крае, верили не многие. Одно из

наиболее распространенных среди северян, переживших ужасы гражданской войны, толкований причин переписи было то, что все это делалось для их привлечения к воинской повинности.¹²

Проведение пробной переписи позволило снять ряд возникавших по ходу работы проблем в рабочем порядке. В частности, для того, чтобы избежать путаницы при регистрации, о которой предупреждали А.А. Дунин-Горкавич и В.М. Новицкий, было предложено «всем переписанным туземцам ...выдавать особые билеты, чтобы один человек не был записан дважды, что легко может случиться, вследствие кочевого образа жизни туземцев».¹³

Найти регистраторов для проведения переписи также оказалось делом не из простых. Вербовать сотрудников за пределами округа и перебрасывать их на Север было дорого, а на местах специалистов требуемой квалификации было мало. Чтобы решить эту проблему, обратились в Округное Политуправление с просьбой разрешить нанять для проведения регистрации ссыльных. В письме от 31 мая 1926 г. П.Ф. Неволин, заведующий отделом переписей, писал: «Принимая во внимание, что вышеуказанные районы являются местами расселения ссыльных и среди них могут быть лица по своим познаниям и профессии удовлетворяющие цензу, который будет предъявлен к работникам переписи, было бы полезным для дела переписи и выгодным по финансовым соображениям использование ссыльных и тех именно из них, которые бы в отношении заданий им отвечали вышеуказанным требованиям, а с другой стороны – использование их не противоречило правилам надзора».¹⁴ Набрать штат и провести подготовительные работы было поручено руководителю Ямальской экспедиции Владимирцеву, однако надежды Л.Р. Шульца на то, что это будет сделано до его приезда, не оправдались. Позднее, в отчете о переписи Леонид Рудольфович в довольно сдержанной форме, но совершенно недвусмысленно высказал свое неудовольствие по поводу работоспособности коллеги, «не только не сумевшего

руководить работой регистраторов, но и мешавшего ей своими сбивчивыми распоряжениями».¹⁵

Перепись на «промысловом» Севере

План проведения переписи состоял из двух частей: 1 – регистрации промыслового и 2 – кочевого населения Тобольского Севера. Территория «промыслового севера» была разделена на 5 переписных районов: Обдорский, Березовский, Самаровский, Кондинский и Сургутский, включавших по несколько переписных участков. Кроме того, уже в ходе переписи было принято решение провести регистрацию населения северной части Уватского района – селений по рекам Демьянке и Салыму. Предполагалось выполнить этот план за зимний сезон 1926-1927.¹⁶ На самом же деле некоторые работы растянулись до начала мая.

В Березовском районе для руководства переписью был приглашен административно ссыльный Г.А. Горский, статистик по специальности, участник переписи 1920 г. После предварительного согласования его кандидатуры с райисполкомом и местным уполномоченным ГПУ, Г.А. Горский смог приступить к работе по организации переписи, но, сразу же, был от нее отстранен из-за отсутствия разрешения Тобольского окружного отдела ГПУ. На телеграфную переписку и пересылку документов ушел еще месяц.¹⁷ Сведений о маршрутах и местах и времени промыслов в Березовском районе заранее собрать не удалось, так что работа продвигалась чрезвычайно медленно. Большинство сотрудников, набранных для переписи, были из местных жителей, кроме того, удалось привлечь шестерых административно-ссыльных, четыре из которых работали в районе, а два в самом Березове.

Двое регистраторов были студенты-этнографы, имевшие опыт работы среди хантов и манси Березовского района. Один из них – В. Н. Чернецов впоследствии стал известным археологом. Его рукой заполнены многие «Похозяйственные карточки» и «Поселенные бланки» Березовского района. Часть его полевых

дневников позднее была опубликован.¹⁸ Всего штат Березовского переписного отряда состоял из Районного руководителя, двух инструкторов (один, приглашенный из Тюмени, оказался, по словам Л.Р. Шульца, «не вполне соответствующим своему назначению») 12 регистраторов и 11 переводчиков. Многие из регистраторов владели местными языками и обходились без переводчиков, а переводчики часто исполняли обязанности возниц. Анализируя итоги переписи в Березовском районе, Л.Р. Шульц, скупой на похвалы, писал в своем отчете: «В общем надо считать перепись по Березовскому району проведенной успешно; приписывать это приходится, главным образом, районному руководителю Г.А. Горскому, которому в значительной мере приходилось лично пополнять и исправлять все недочеты, полученные вследствие недостаточно высокой квалификации персонала и его нехватки».¹⁹ Только бюджетное обследование по Березовскому району в планируемом объеме провести не удалось из-за нехватки квалифицированных кадров, поскольку ссыльным, которым можно было бы доверить это дело, органы ГПУ категорически запретили покидать Березово.

В Самаровском районе переписью руководил П.Н. Андреев, юрист по образованию, отбывший срок административной ссылки, во время которого имел возможность хорошо изучить район.²⁰ Благодаря его умелому и энергичному руководству перепись в районе была начата в срок, предусмотренный планом, 1 декабря и охватила почти 100% населения. Из 10 набранных на месте регистраторов, шестеро являлись местными жителями, остальные четверо – административно-ссыльными, с высшим или незаконченным высшим образованием. Кроме того, П.Н. Андреев привлек в помощь еще и 9 человек учащихся местных школ. В целом, штат Самаровского отряда был достаточно квалифицированным, пришлось заменять и переделывать работу только двоих регистраторов.

Перепись в Кондинском районе началась с опозданием из-за позднего установления санного пути. Начальник экспедиции С.И. Батулин, имеющий длительный опыт работ в области статистики на Тобольском Севере, по словам Л.Р. Шульца проявил «исключительное усердие» и «умение руководителя». Несмотря на сложности в наборе сотрудников, и «совершенную непригодность» к работе рекомендованного Тобольским Окрстатуправлением регистратора, чью работу пришлось переделывать, работа была проведена в полном объеме, включая бюджетное описание и перепись факторий.²¹

В Сургутской район руководителем был назначен «работник по статистике» Э.Н. Курбатов. Вместе с приглашенным из Тюмени инструктором Н.С. Батуриным, им удалось начать подготовительную работу с 11 ноября 1926 г. и своевременно набрать штат регистраторов и переводчиков. Уполномоченный ГПУ по Сургутскому району оказался менее стоворчивым, и задействовать ссыльных удалось только при регистрации населения самого Сургута. Основными сложностями при проведении переписи оказалось наибольшее, чем в остальных районах расхождение предварительных данных и реального количества хозяйств (почти на тысячу!). Это резко увеличило объем работы. Кроме того, на уровне предварительного планирования работ никто не ожидал обнаружить на территории района значительного количества лесных ненцев. Решить проблему нехватки кадров Э.Н.Курбатов смог за счет того, что переводчики работали дополнительно в качестве ямщиков и многие регистраторы могли обходиться без помощи переводчиков. В итоге, оценивая результаты переписи по району, Л.Р. Шульц писал, что она «проведена все же удовлетворительно...и со стороны районного руководителя проявлено много энергии и распорядительности».²²

Перепись кочевого населения Уральской области

К части «кочевого туземного населения» относились жители Полярного Урала,

полуострова Ямал, Гыданский, Ныдский (Обско-Тазовская земля) и территорий к северу по р. Надым, Пур и Таз. Их регистрацией занимались 4 парти-экспедиции. *Ямальская экспедиция* состояла из руководителя Владимирцева и двух регистраторов – студентов экономического техникума, прибывших из Свердловска, Лебедева и Вознесенского, работу которых Л.Р. Шульц оценил довольно высоко. Правда, в первые же дни экспедицию постигла неудача. Сначала отряд вынужден был задержаться на два дня по техническим причинам, а после первого дневного перехода 28 ноября подвергся нападению волчьей стаи, разогнавшей оленей по тундре, что вызвало дополнительную задержку около 5 дней. Чтобы избежать потери рабочего времени Владимирцев и один из регистраторов отправились дальше, к факториям в районе р. Щучьей, на одних легких нартах без чума. Здесь-то и проявился в полной мере недостаток регистраторов. Во время прохода кочевников через фактории, там одновременно оказывалось столько людей, что регистраторы физически не успевали их переписать. В результате переводчику Зотову, оказавшемуся хорошим работником, поручили самостоятельную регистрацию, а для перевода наняли сотрудников факторий.²³

Начальником в *Тазовскую партию* был приглашен П.П. Иорданский, агроном по образованию, имевший опыт работы в области статистики в Тюменском Окрстатбюро. Руководитель переписи Л.Р. Шульц в своем отчете высоко оценил работу П.П. Иорданского. Регистраторами стали П. Бржезинский - юрист, из административно-ссылных, и местный житель, зырянин Витязев. Л.Р. Шульц писал о нем «хотя с нисшим образованием, но хорошо знающий местные условия и после инструктажа вполне способный работать в должности регистратора».²⁴ Против более масштабного привлечения административно-ссылных, на что очень рассчитывал Л.Р. Шульц, неожиданно выступили местные профорганизации, поэтому руководителю переписи удалось нанять только двух.²⁵

Начальнику партии П.П. Иорданскому сразу пришлось столкнуться с проблемой транспорта. Бушевавшая в районе эпизоотия не позволяла рассчитывать на легкость найма оленьих упряжек. Партии предложили использовать стадо, выделенное постановлением Обдорского РИКа для раздачи населению, пострадавшему от падежа оленей. Однако «государственные» олени, прибывшие в Хальмер-Саде, где их ожидали регистраторы, оказались настолько истощенными, что нуждались в продолжительном отдыхе или замене.²⁶ К несчастью, в самом начале работ регистратор П. Бржезинский получил сильнейший ожег, когда во время фотосъемки неожиданно вспыхнул магний. К тому времени, когда он оправился от травмы, олени госстада отдохнули, и отряд смог отправиться на них вверх по р. Таз до часовни Василия Убиенного.²⁷

Надымо-Полуйскую партию возглавляла сотрудница Российского музея этнографии в Ленинграде, Раиса Павловна Митусова, прибывшая в Обдорск только во второй половине декабря 1926 г., так что регистраторы – студентка-этнограф Ленинградского госуниверситета Н.А. Котовщикова и корреспондент газеты «Уральский рабочий» – Юркевич вынуждены были выехать в тундру и приступить к работе самостоятельно. Правда, Н.А. Котовщикова задержалась в Обдорске до 5 декабря, ожидая возчика, опоздавшего из-за нападения волков. Двое нанятых местных жителей на своих оленях перевозили регистраторов Надымо-Полуйской партии, предоставляли им свои чумы для ночлега и работая переводчиками. Н.А. Котовщиковой поручили дойти по возможности до окрестностей озера Нумто, чтобы переписать хотя бы часть лесных ненцев. Остальных должен был переписать регистратор Тазовской экспедиции П. Бржезинский, поднявшись по Пуру до озера Пяконто. Трудно понять, чем руководствовались организаторы, посылая девушку в район священного озера Нумто, куда и сейчас не всякого мужчину пустят. Как бы то ни было, осуществить план регистрации лесных ненцев в полной мере не удалось.

Реальные расстояния между населенными пунктами оказались значительно больше, чем предполагалось при планировании маршрута, а необычно снежная зима еще больше усложняла условия продвижения.²⁸ Руководитель партии Р.П. Митусова вскоре после выезда в поле тяжело заболела воспалением легких и, вероятно, так и не смогла вполне оправиться от болезни на протяжении всей работы по переписи. Из-за этого ей пришлось отказаться от выездов в тундру и ограничиться регистрацией кочевников, приезжавших на фактории Норэ и Хэ.²⁹ В результате болезни Р.П. Митусовой, ранения регистратора П. Бржезинского, многоснежной зимы и тому подобных обстоятельств, часть лесных ненцев, кочующих в вершинах Казыма, Агана и Тромъегана, всего около 15-30 хозяйств, так и не были переписаны.³⁰ Возможно, именно отсутствие данных по социальному и материальному положению лесных ненцев спасло их от катастрофы сплошной коллективизации и сопровождавших ее репрессий. Во всяком случае, именно эта группа ненцев оказала наибольшее сопротивление мероприятиям Советской власти в начале 1930-х гг. и активно участвовала в знаменитом Казымском восстании.

Наконец, в составе **Сыне-Куневатской партии** находился всего один регистратор, который в тоже время являлся и переводчиком. Местный житель, учитель по профессии Артеев был хорошо знаком и с зырянами и ненцами, так что проблем с передвижением по маршруту следования и наймом нарт от чума к чуму у него не возникало.

Каждый из сотрудников переписных тундровых партий снабжался определенным набором продуктов из расчета на месяц. Пакет включал мороженный хлеб, мясо, копчености, крендели, крупы, масло, чай, сахар, карамель, компот, горчицу, лавровый лист, перец, соль, уксус, махорку, курительную бумагу, мыло, лимонную кислоту и клюквенный экстракт от цинги.³¹ Регистраторы часто делились выданными продуктами с теми, кого переписывали,

и получали от них взамен свежее мясо и рыбу, что позволяло разнообразить рацион экспедиции.³² Выдать сотрудникам партий рабочую одежду не удалось, поскольку ее вовремя не закупили, а осенний рост цен на шкуры оленей сделал это невозможным. В итоге людям выдали по 160 рублей, чего, по словам Л.Р. Шульца, хватило для того, чтобы приобрести «хорошего качества малицу, гусь, две пары кисов и меховых чулок». Наконец, регистратор и переводчик получали на двоих бутылку хлебного вина и походную аптечку.³³ Позднее, в своем отчете о переписи Л.Р. Шульц отмечал по поводу аптек: «...крайне желательно более обильное снабжение всего регистраторского персонала медикаментами, с расчетом их не только на собственное потребление, но и на оказание помощи (конечно только в простейших случаях) регистрируемым. Весьма часто такое снабжение лекарствами создавало сразу благоприятные условия для работы».³⁴

Часть населения, как уже говорилось, настороженно отнеслась к переписи, но в целом, согласно отчету Л.Р. Шульца, регистраторов встречали вполне благожелательно, только в единичных случаях люди отказывались от переписи, но в конечном итоге их всегда удавалось убедить дать сведения о составе семьи, кочевках, потреблении и инвентаре. «Малооленные» охотно делились информацией и о численности стада, но имеющие большие стада старались скрыть реальное число оленей и выдавали малоправдоподобные сведения, которые приходилось корректировать на основании косвенных источников. Особенно большие сомнения вызывали сведения, полученные от русских и зырян – охотников и рыболовов, которые старались преуменьшить свою продукцию, опасаясь обложения сельхозналогом по повышенной норме, поскольку перепись не кстати совпала с налоговой кампанией.³⁵

К весне 1927 г. Уральская экспедиция завершила работы, но неугомонный Л.Р. Шульц, зная, что часть населения могла остаться не переписанной, снабдил бланками переписи сотрудников Ветеринарно-бактериологического института,

направлявшегося на все лето 1927 г. на Ямал и Северный Урал, поручил отслеживать незарегистрированных кочевников бывшему сотруднику переписи по Тазовскому району Витязеву, который был принят на должность секретаря в Тазовский сельсовет и в дополнении снабдил бланками и удостоверениями о регистрации начальника экспедиции Академии наук Б.Н. Городкова, отправлявшегося из Хальмер-Седэ в Гыданскую тундру.

Величественна и печальна судьба, как самой Приполярной переписи, так и людей, посвятивших ей годы своей жизни. Впервые, как писали участники переписи, удалось провести похозяйственный учет всего населения Тобольского Севера в период с 26 ноября по апрель 1927 г. по единому формуляру и единому плану.³⁶ Руководителем переписи Л.Р. Шульцем все материалы по 6 административным районам были сданы заведующему отделом разработки переписи Севера Д.М. Бобылеву. Согласно ведомости материалы переписи представляли собой следующий блок документов³⁷:

№	Название района												
		Районные бланки	Списки населенных пунктов	Поселенные бланки	Списки домохозяев	Похозяйственные карточки	Бюджетные карточки	Промышленные карточки	Торговые	Фактории	Картографический материал (в листах)	Фотографии/ негативы	Графический материал, рисунки (в листах)
1	Березовский	18	8	296	298	2528	5	28	40	31	12	12	16
2	Кондинский	1	5	128	128	1359	8	7	19	12	2	-	-
3	Обдорский	1	12	138	178	3545	9	6	20	29	70	257	
4	Самаровский	1	10	81	77	3006	-	-	37	24	7	60	62
5	Сургутский	3	6	239	227	1305	-	17	-	5	1	-	-
6	Уватский		4	14	15	45	-	-	-	-	1	-	-
	Всего	24	45	896	923	11788	22	58	116	101	93	329	78

Во время регистрации были собраны уникальные материалы по этнографии народов Северо-западной Сибири, разработаны и применены новые методы регистрации кочевого населения, выявлены неучтенные поселения и составлены более точные карты. Приполярную перепись следует считать самой точной и полной из всех, осуществленных на территории страны до середины XX в. Впервые очень подробно была изучена семья. «Разработка» материалов переписи 1926-27 гг. была закончена в чрезвычайно короткий срок – к 1 сентября 1928. Предварительные итоги были опубликованы в 1927, краткие – в 1927-29, полные – в традициях мировой практики были изданы на французском языке в 56 томах в 1928-33 гг.

Данные переписи 1926 г. были использованы при составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Однако большая часть первичных материалов Приполярной экспедиции осталась лежать в пыли архивных полок, многие до сих пор еще не обнаружены, что-то исчезло навсегда. Перепись жестко критиковали за отсутствие классового подхода в 1930-е гг., поэтому хранить ее не представлялось целесообразным. Подвиг участников Уральской экспедиции до сих пор не оценен по достоинству. Между тем, многие из них трагически закончили свою жизнь. Раиса Павловна Митусова за годы работы на Севере собрала уникальный материал по этнографии народов Сибири, часть которого до сих пор является украшением коллекций отечественных музеев. В 1937 г. она была арестована по сфабрикованному обвинению за «участие в контрреволюционной кадетско-монархической организации» и 7 декабря 1937 г. расстреляна в Новосибирске.³⁸

Наталья Александровна Котовщикова, студентка Ленинградского университета, также продолжила этнографические исследования на Севере. В середине июня 1929 года она трагически и нелепо погибла на Ямале, на

побережье пролива Малыгина. Всех подробностей ее гибели установить так и не удалось. Известно, что она, будучи больна цингой в тяжелой форме, оказалась одна в «палатке», сделанной из паруса, наброшенного на нарты, ожидая скорого приезда коллеги. Но письмо, переданное исследователем через ненцев, опоздало, буран и последовавший за ним туман не дали возможности ее коллеге К.Я. Ратнеру, вовремя придти на помощь. Бурное таяние снега сделало прямой путь невозможным и еще более задержало продвижение спасательной экспедиции. Наталью Александровну нашли лежащей в снегу, в 30 метрах от палатки. До последнего момента она вела дневник и, понимая, что обречена, оставила прощальное письмо коллегам.³⁹ Судьбы многих других регистраторов еще предстоит узнать.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта “Archival and Living Transcripts”, поддержанного Британским советом по гуманитарным исследованиям, грант № В/RG/AN9129/APN16283.

² По истории Приполярной переписи начата публикация материалов лишь по Сибирскому краю. См.: Савоскул С.С. Впервые на Севере: Б.О. Долгих – регистратор приполярной переписи // Этнографическое обозрение 2004. № 4; Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера /Ред. Д. Андерсон. Красноярск, 2005.

³ Cadiot J. Searching for Nationality: Statistic and National Categories at the End of Russian Empire (1897-1917) // The Russian Review 64 (July 2005).P. 442, 447.

⁴ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л.1.

⁵ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л.6-13.

⁶ Там же. Л. 9 об.-11.

⁷ Там же. Л. 38 об.

⁸ См. ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.191.

⁹ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л. 32 об. - 33.

¹⁰ Там же. Л. 54 об. -56 об.; 94-94 об.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 2 – 2 об.

¹³ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л. 95-96.

¹⁴ Там же. Л. 109.

¹⁵ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181.Папка 4. Л. 3 об.

¹⁶ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л. 50об. – 51, 213.

¹⁷ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.18. Папка 4. Л. 9.

¹⁸ Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

¹⁹ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 9 - 10.

²⁰ Там же. Л. 2 – 2 об.

²¹ Там же. Л. 11.

²² ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 11об.

²³ Там же. Л. 6 об.

-
- ²⁴ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 3. Л. 210-210 об.
- ²⁵ ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 3 об.
- ²⁶ Там же. Л. 4 об.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 1812. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 5 об.
- ²⁹ Там же. Л. 3 об.
- ³⁰ Там же. Л. 6 об.
- ³¹ Там же. Л.8.
- ³² Там же. Л. 13.
- ³³ Там же. Л. 8 - 8 об.
- ³⁴ Там же. Л. 13 об.
- ³⁵ Там же. Л. 9 об.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 677-р. Оп.1. Д.49. Л.171.
- ³⁷ При подготовке таблицы использованы материалы из отчетов Л.Р.Шульца ГАСО. Ф. 1812-р. Оп.2. Д.181. Папка 4. Л. 215-217об.
- ³⁸ Карапетова И.А. Коллекция Р.П. Митусовой по аганским хантам в Собрании РЭМ// Обские Угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12-16 декабря 1999 г., г. Тобольск). Тобольск-Омск, 1999. С. 229-231.
- ³⁹ См. Чернецов В. Наталья Александровна Котовщикова // Советский Север. 1930. № 1. С. 165-166.